

МЕТОДОЛОГИЯ

Л.П. ЕВСТИГНЕЕВА,

Р.Н. ЕВСТИГНЕЕВ

Становление экономической синергетики

Идеи и реальные предпосылки перехода к экономической синергетике как качественно новой, нелинейной системе жизнедеятельности общества вызревают внутри экономики. В статье исследованы три основные предпосылки этого перехода: развитие форм стоимости, создание системы функциональных капиталов и завершение очередного большого Кондратьевского цикла.

Ключевые слова: экономическая синергетика, форма стоимости, функциональный капитал, большой Кондратьевский цикл, инфляция, дефляция, экономический квант, глобализация.

The ideas and real prerequisites of transition to economic synergetics as a qualitatively new, non-linear system of social life are ripening within economy. The article deals with the development of value forms, forming of the system of functional capitals and the completion of the next Kondratieff's big cycle as the main three preconditions of the transition mentioned.

Keywords: economic synergetics, value form, functional capital, Kondratieff's big cycle, inflation, deflation, economic quantum, globalization.

В России стратегические программы, в избытке плодящиеся в последнее время, разрабатываются в русле мейнстрима (ставя при этом во главу угла либо финансовую стабильность, либо экономический рост). Но ни одна из них не ориентирована на некую новую социально-экономическую целостность. Все они строятся с оглядкой назад (*path dependence*) и как будто даже страшатся поднять глаза на складывающуюся парадигму, неизвестную и подозрительную. То есть на экономику как синергетическую систему – сложную (в экономике речь идет о высшей сложности, связанной с приматом субъекта по отношению к объекту в системе субъектно-объектных отношений на всех уровнях системы) открытую систему, способную к эндогенной эволюции на принципах рыночной самоорганизации.

Заметим, кстати, что рыночная самоорганизация в данном случае не предполагает сугубо стихийной, спонтанной эволюции. Такое ее свойство несовместимо с приматом субъекта, который всегда осуществляет анализ и производит осознанный волевой выбор. Иными словами, принципы рыночной самоорганизации предполагают массовые рыночные коммуникации. Можно сказать, что рыночная самоорганизация есть сложное по своей конструкции рыночное взаимодействие.

Евстигнеева Людмила Петровна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Евстигнеев Рубен Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром экономической синергетики и макроэкономических моделей Института экономики РАН.

В науке и практике все чаще используется синергетический подход к решению отдельных экономических проблем: например, в управлении инвестициями, выявлении тех или иных синергетических эффектов на предприятиях, в отраслях (см., например, [Сухарев, Шманёв, Курьянов, 2008]). И такой подход, как правило, оказывается достаточно плодотворным. Но это не тема наших (макроэкономических) исследований. Указанный синергетический подход, скорее, просто созвучен синергетике, в нем имеет место взаимодействие разных факторов и обстоятельств, не обязательно существующих в комплексе или как единая система. В известной книге В.-Г. Занга [Занг, 1999] “экономика выступает объектом приложения синергетических понятий и идей: ход рассуждения, если свести его к формуле, идет *от синергетики к экономике*” [Ерзнкян, 2010, с. 161]. Но это тоже не является темой наших (макроэкономических) исследований.

Экономическая же синергетика, как точно подметил Б. Ерзнкян в только что процитированной рецензии на нашу монографию “Экономика как синергетическая система” (М., 2010), “базируется на логике, противоположной приведенной выше, а именно: *от экономики к синергетике*” [Ерзнкян, 2010, с. 162] (см. также [Гюрджян, Ерзнкян, 2010]). Действительно, мы считаем необходимым определить экономическую синергетику не только как открытую сложную социально-экономическую систему, но и подчеркнуть высший уровень сложности этой системы и ее способность к эволюции эндогенного типа. То есть синергетические идеи применительно к экономике вызревают внутри самой экономики, что, с одной стороны, предполагает особый экспериментальный характер синергетической практики, базирующейся на свободном экономическом и политическом выборе. С другой стороны, экономическая синергетика – по сути, стратегическая модель развития с экономическим базисом финансового капитала как системная динамическая воспроизводственная форма национального богатства, или условий жизнедеятельности социума. И вот это-то и является темой наших исследований.

Внутри экономики вызревают не только идеи, но и реальные предпосылки перехода от капитализма к экономической синергетике как теории рыночной макроэкономики стратегического типа. Макроэкономики, в перспективе не только более эффективной, чем сегодня, но и предполагающей более развитые формы демократии. В синергетическом обществе социальная, антропологическая глубина демократии позволяет говорить о ее либеральном характере. В тенденции это просматривается уже сейчас: в экономике все большее значение приобретают проблемы ментальности как проблемы собственно экономические.

Попытаемся доказать, что экономическая синергетика – не плод досужих измышлений или привнесенной извне идеологии, а этап нормального развития человечества в рамках западной цивилизации. Рассмотрим важнейшие предпосылки перехода к экономической синергетике. Сразу предупредим, что речь пойдет не о предпосылках прагматического толка, предусматривающих незамедлительный ответ на вопрос, что же нам делать здесь и сейчас. Такой взгляд имеет право на существование, но для наших целей, требующих широкого контекста размышлений, он непригоден, ибо способен при самом слабом сопротивлении материала мгновенно погасить мысль и остановить любой плодотворный поиск.

Предпосылка первая: развитие форм стоимости

Речь идет о развитии форм стоимости как исторически конкретных рынков со своими деньгами, общим рыночным равновесием, регуляторами. Мы знаем открытые К. Марксом *случайную* и *всеобщую* форму стоимости, *денежную* форму стоимости. Но это был еще XIX в. В прошлом веке, с развитием рынка глобального денежного капитала, возникла также *валютно-денежная* форма стоимости, привязанная к золотому стандарту. В середине 1970-х гг. произошел окончательный отрыв валютно-денежной формы стоимости от золотого стандарта (так называемая Ямайская

система, переход к плавающему курсу). В настоящее время пробивает себе дорогу переход к еще одной, *финансовой*, форме стоимости, адекватной экономической синергетике.

В связи с этим представляет интерес введение в научный аппарат системы транзакций, объясняющей целостность рынка. Дж. М. Кейнс исследовал целостность через интеграционную функцию денежного капитала. Он начал исследование многомерного параметрического равновесия национального дохода, денег, инвестиций и занятости. Данные величины получили коэффициенты, переводящие их в разряд переменных под воздействием мультипликаторов (инвестиций, денег и занятости), определяемых мультипликатором инвестиций. В свою очередь, сами мультипликаторы корректировались предельными показателями эффективности капитала, банковской процентной ставки рефинансирования и доли прироста дохода населения в приросте национального дохода. Это была первая успешная попытка соединения в общем рыночном равновесии стратегического и текущего рынков. Интересно, что Кейнс определил и условие стабильности равновесия, которое связал с равенством мультипликатора инвестиций единице.

Нобелевский лауреат Р. Коуз впервые ввел понятие транзакций – *ценовых* и *правовых* – как устойчивых системных связей рынка, дающих основание ставить проблему целостности рынка. Сегодня, на почве политизации макроэкономики, можно говорить о появлении – поначалу на сетевом рынке – также *социальных* и *информационных* транзакций. По мере развития совокупности этих четырех транзакций все они становятся феноменом экономической синергетики, работающей со структурными компонентами макроуровня и требующей от этих структурных компонентов решения проблемы целостности.

Понятие формы стоимости предполагает существование рыночного базиса, или функционального капитала – производительного, денежного, валютно-денежного (или глобального денежного), финансового, социального. Если базисом является производительный капитал, то работает всеобщая форма стоимости ($T - D - T'$). Это эпоха начала индустриализации и формирования ведущих отраслей реального сектора. Если же базисом является денежный капитал, то рынок опирается на бюджетно-денежную систему: Центробанк + Госбюджет. Начало денежной формы стоимости пришлось на время Великой американской депрессии, когда структура рынка усложнилась. Помимо реального и денежного секторов на рынке сложились микро- и макроуровни.

С середины 70-х гг. XX в. рынок стал глобальным и приобрел свойства валютно-денежной формы стоимости, базисом которой является глобальный денежный капитал и его мировые институты (Всемирный банк, МВФ, ВТО и т.д.). Рынок еще более усложнился. Возникла система мировых открытых финансово-денежных рынков, приобретающая определяющую роль в экономике: она стала оказывать сильное давление на банковскую систему и на бюджетную политику государств.

На современном глобальном рынке появился еще один структурный срез – “национальный рынок – мировой глобальный рынок”. Базис этой новой экономики – финансовый капитал, становление которого соединено с формированием финансовой формой стоимости. Ей присуща (в перспективе) иерархическая система рынков во главе со стратегическим рынком финансового капитала. Для нее характерна усложненная система банков: стратегический Инвестиционный банк + центральный Валютно-денежный банк + Коммерческий банк + Сберегательный банк. В пространстве стратегического рынка складывается механизм внутренней конвергенции (взаимной адаптации) финансового капитала и государства. Это важнейший механизм формирования динамического потенциала иерархической системы рынков. Речь идет о стратегическом инвестиционном потенциале, или об экономическом кванте, о котором поговорим далее.

Финансовый капитал отличается от других видов капитала тем, что в принципе представляет собой стратегическую систему. Тем самым в нем открывается новое

качество капитала как динамической стратегической воспроизводственной формы национального богатства, или условия жизнедеятельности данного социума. В экономической синергетической системе капитал, а не национальный доход, определяет структуры и институты, необходимые для сохранения и приумножения всего комплекса условий существования данного социума.

Рыночная периферия, организованная как система товарно-денежных и финансово-денежных оборотов, притягивается финансовым капиталом, ибо это рыночный базис, вокруг которого складывается вся система оборотов. Однако финансовая форма стоимости сопротивляется притяжению центра, его центростремительным силам, поскольку обладает относительной самостоятельностью. Эта самостоятельность реализуется в центробежных силах, обуславливающих постоянную готовность рынка (как системы оборотов) к экспансии. В итоге финансовый капитал выстраивает систему институтов, по-своему интровертную, ориентированную на расширенное воспроизводство финансового капитала. Именно этой задаче подчинено функционирование системы рыночных оборотов. Если вынуть центр, система оборотов деградирует к самому примитивному рынку, который Маркс описал под именем случайной формы стоимости. Поэтому у нас и пробуксовывают рыночные реформы: мы все время пытаемся построить рынок без своего функционального капитала, то есть строим рынок как центробежную систему, а его разнос стремимся удерживать административными методами, которые не обладают природой капитала, а значит, не могут играть роль центростремительной системы рынка.

Предпосылка вторая: формирование системы функциональных капиталов

Система функциональных капиталов как последовательность метаморфоз финансового капитала. Формирование законченной системы функциональных капиталов и соответствующих ей специализированных рынков, способных заменить сетевую организацию рыночной иерархией, можно считать следующей предпосылкой перехода к экономической синергетике. Подчеркнем, речь идет не об административной вертикали, а об иерархии именно рынков.

Финансовый капитал не вырастает из коррекции рыночных оборотов валютно-денежной формы стоимости, а связан с преодолением негативной метаморфозы перезревшего глобального денежного капитала, утратившего свои исходные свойства инвестиций (капитала) и ссуды (денег). Экономика превратилась – по коммуникативному механизму – в *долговую* рыночную систему. И – по типу экономического роста – в *инфляционно-дефляционную* рыночную систему. Так, по мнению Н. Рубини (предсказавшего мировой финансовый кризис 2008 г.), “все продолжают идти по пути увеличения и государственного и частного долга. Груз становится все более тяжелым, и все эти трудности дадут о себе знать, самое позднее, к 2013 году”. Как считает Рубини, рост мировой экономики может замедлиться во второй половине года из-за продолжающегося избавления от заемного капитала, сворачивания стимулирующих программ и ослабления доверия потребителей к экономике (<http://news.mail.ru/politics/6116595/#state=90&frommail=1>).

Можно ли исправить ситуацию в рамках глобального денежного капитала и валютно-денежной формы стоимости? Рубини для Китая, например, предлагает преодолеть две основные трудности: огромный объем “плохих кредитов” и наличие значительных неиспользуемых производственных мощностей из-за чрезмерных инвестиций в основной капитал. Есть и другие предложения, связанные, к примеру, с развитием системы региональных мировых резервных валют или региональных клиринговых механизмов. Если в первом случае предлагается скорректировать инвестиционную (капитальную) функцию денежного капитала, то во втором случае денежный капитал выступает в роли носителя денежной функции обращения. *Но весь смысл денежного капитала и состоит в слиянии функций капитала и денег.* Именно это слияние обеспе-

чило в свое время приоритет финансово-денежных рынков, который открыл границы национальных экономик и обусловил глобализацию мирового рынка. 1970-е гг. были отмечены не только резким возрастанием коммуникаций (торговых, инвестиционных, интеграционных, социальных), но и становлением регуляторов рынка, адекватных его глобальной финансово-денежной природе (торговые квоты, валютные курсы, банковские проценты, нормативы бюджетных расходов и доходов, таргетирование цен и т.д.).

Приоритетная роль открытых финансовых рынков в глобализации базировалась на соединении в денежном капитале функций инвестирования и денежного обращения. В результате произошло замещение товарных денег “капитальными” деньгами, представленными оборотом активов и долгов, которые обеспечивались теми же активами и долгами. Такие денежные обороты в принципе инфляционны. Развитие секьюритизации и оборота деривативов, с одной стороны, основывалось на ролевой функции финансовых рынков, а с другой – поощряло их лавинный рост. Поэтому ожидания стихийного финансового шторма вполне оправданы. Однако сила шторма может быть резко ослаблена, во-первых, при условии объединения усилий неравнодушного, желающего перемен руководства страны и широких масс населения. Во-вторых, при наличии экономических и социальных программ, основанных на принципах экономической синергетики. В-третьих, при способности государства стать центром практического становления экономической синергетики как экономики социума.

Серьезная идеологическая ошибка российских реформаторов состояла в отсутствии исторического понимания процесса развития как *усложнения* системы субъектов. Предполагалось, что введение рыночной экономики в России должно начаться с исторического “нуля”, с товара, с рынка свободной конкуренции, с отношения потребительной стоимости и стоимости. Во имя неадекватной реалиям теории был подорван индустриальный базис экономики. Накопленные за последние десятилетия знания позволяют критически осмыслить этот опыт и с уверенностью перейти к реформам, исходя из синергетической концепции усложнения.

Эта концепция отвергает выбор между рынком и государством. Их единство предполагается становлением рыночной иерархии во главе со стратегическим рынком финансового капитала. И финансовый капитал, и государство выступают на нем в роли коллективных (акционерных) субъектов формирования стратегического динамического инвестиционного потенциала. В той мере, в какой содержание последнего сводится к проекту развития системы транзакций (ценовой, правовой, социальной, информационной), становится необходимым появление института внутренней конвергенции (взаимного приспособления) финансового капитала и государства. Это социально-экономическая сторона динамического потенциала, заключенного в количественных показателях и структурных составляющих. Если речь идет не о факторах экономического роста (материальных ресурсах и труде), а о потенциале, охватывающем социально-экономическую систему и, соответственно, систему рынков, то такой потенциал имеет природу экономического кванта.

Квант задает условия максимизации социальной энергетики развития общества и экономики. Возникает положительный синергетический эффект объединения и совместного действия всех факторов и условий, включая институты как носители высокого социального тонуса. Экономический квант не ослабевает, а напротив, усиливается, так как последовательно охватывает своим действием рынки, входящие в рыночную вертикаль, притом, что каждый предыдущий рынок создает условия для расширения спектра новых вариантов развития. Наши исследования показывают, что иерархия рынков позволяет сформировать пошаговый тип экономического роста: последовательно интенсивный–интенсивно-экстенсивный– экстенсивно-интенсивный –последовательно экстенсивный. Такой вывод опирается на идею соединения функциональных капиталов, играющих роль рыночных базисов, в последовательность превращенных форм финансового капитала как общего системного базиса (финансовый капитал – денеж-

ный капитал – производительный капитал – социальный капитал как капитализация дохода, предназначенного для индивидуального потребителя).

Соответственно, экономический квант можно развернуть в систему административно-рыночных регуляторов: экономический квант–предельная эффективность капитала–банковская процентная ставка рефинансирования–предельная склонность к потреблению. Эти коэффициенты взяты нами из концепции параметрического равновесия, предложенной в свое время Кейнсом. Однако под них не была подведена адекватная теоретическая база в виде рыночной иерархии и экономической синергетики. Кроме того, не был выявлен адекватный уровень сложности экономики, при котором в систему рыночной макроэкономики входили бы, помимо микро- и макроуровней, самостоятельные структуры текущего и стратегического рынка. А также было бы найдено место в социально-экономической системе общества для социума, с одной стороны, и для индивида (в сумме его живых свойств) – с другой. В результате параметрическое равновесие оказалось лишено динамики. Кейнс был подвергнут за это критике со стороны своих коллег Дж. Хикса и Р. Харрода. Однако вопрос хотя и был поставлен, остался нерешенным.

Препятствия перехода к экономической синергетике в России. В России главное препятствие перехода к синергетической концепции состоит вовсе не в недостаточно развитых, примитивных отношениях обмена и конкуренции. Еще в советский период они были вполне развиты, хотя и находились в тени централизованного планирования. Главным было то, что рынок при социализме не имел транзакционных механизмов целостности, которые замещались политизированными институтами централизованного планирования и снабжения с адекватной им нормативной базой административного контроля. Кстати, вводившееся тогда хозрасчетное самофинансирование по той же причине не выходило за рамки плановых централизованных институтов целостности экономики. Вместе с тем реформирование “от нуля” разрушило коммуникативные отраслевые структуры, которые могли бы спонтанно послужить каркасом формирования рынка как целостности. Именно их отсутствие и обусловило усиление политизации вплоть до “ручного управления”. Самое печальное состоит в том, что рынок подключил к этой бюрократической и коррупционной стихии механизм расширенного воспроизводства капитала в урезанной форме капитализированного дохода государства (госбюджета).

Читатель может спросить, а почему бы самому бизнесу не формировать целостность рынка? Тем более что Коуз, автор концепции целостности как системы транзакций, настаивал на необходимости ввести в компетенцию бизнеса транзакции, убрав их из сферы компетенции государства. Если бы это было возможно, мы бы не считали экономическую синергетику актуальной задачей реформирования российской экономики. Дело в том, что целостность рынка – исторический феномен. Целостность переменна и не сводима к отношению рынка и государства. Каждый новый уровень целостности обрывает своей формой стоимость. Целостность рынка и есть единство рыночного базиса (функционального капитала) и совокупности оборотов данной формы стоимости.

Но вернемся к опыту социализма. Введение хозрасчетного самофинансирования в СССР и других странах СЭВ совпало с завершением эпохи денежной формы стоимости (денежный капитал как базис рынка, кейнсианство) в капиталистических странах. Почему же в нашей стране реформа, которая должна была актуализировать задачи модернизации социалистических основных производственных фондов, частично раскрыть рынки и была, казалось бы, аналогичной преобразованиям в западной экономике, не получила продолжения?

Запад выстраивал новую модель, ориентированную на становление в недалеком будущем новой, валютно-денежной формы стоимости, или рынка глобального денежного капитала. В связи с этим решались две сопряженные задачи. *Первая:* создание целостности рынка как единства финансово-денежного (под руководством Большого банка) и валютно-денежного (под руководством Большого правительства) оборотов,

или контуров¹, ориентированных в первом случае на внутренний рынок, а во втором – на внешний. *Вторая:* мощное развитие социальной политики государства и потребительского спроса, служащего локомотивом расширения инвестиционного спроса, а значит, расширения общего спросового потенциала рынка.

Сопоставим эти две задачи, и тогда станет очевидным, что контуры как структура целостности рынка (на базе глобального денежного капитала) обусловили приспособление к открытости прежде всего национального рынка США. В свою очередь, долларизация мировых экономических отношений выражала интегрирование национальных оборотов в расширенное воспроизводство национального дохода США. В этих условиях политизация рынка была не столько потребностью государства, сколько потребностью самого рынка. Ведь надо было совместить процесс открытости рынка (глобализация) и сохранение суверенности, а значит, и целостности национального рынка. Задействовав более тесные связи рынка и государства, целостность как единство контуров была рациональной с точки зрения своих задач (диффузия национальных рынков в мировой и мирового рынка – в национальные) и, значит, эффективной.

Диалектическая природа глобализации как соединения суверенности и глобализации особенно “чисто” проявляла себя в денежной форме стоимости, то есть на старте нынешней глобализации, подмявшей под себя суверенитеты национальных рынков. Мягкость старта, видимо, была связана с особой макрофункцией национального дохода, служившего материальной базой воспроизводства капитала в рамках общего спросового потенциала. Это означало, что усиление мировых экономических контактов, которое требовало от национального рынка модернизации, инноваций, стимулирования роста, могло быть реализовано через рост всех потребностей общества и в первую очередь – потребностей (а значит и дохода) населения. Старт глобализации был неразрывно связан с концепцией и практикой общества потребления.

Социалистическое государство также оставляло за собой внешние экономические контакты, но они были слабее, так как не связывались с открытостью рынков. Кроме того, государство, сохранив закрытость рынков, не нуждалось в компенсации своей внешнеэкономической активности развитием внутренних оборотов на базе капитала и под управлением Большого банка. До предприятий не доходили стимулы со стороны внешней конкуренции, так как экспортно-импортная политика, связанная с потребностями воспроизводства капитала, была замещена политикой экспортных доходов бюджета. Что же касалось спросового потенциала как важнейшего регулятора внутреннего рынка в условиях его открытости, то такой агрегат в условиях закрытости не был нужен централизованному планированию. Стимулы из сферы потребления и потребностей не просто не доходили до предприятий, они были подавлены. Академия наук и плановые органы работали над понятиями минимальных и рациональных потребностей населения. Самофинансирование было ограничено традиционными связями централизованного планирования. Глубокий рынок, как внешний, так и внутренний, был неприемлем.

В результате удерживались те механизмы целостности рынка, которые были связаны с единством I и II подразделений совокупного общественного продукта, причем продолжавшаяся политика индустриализации делала все более напряженным межотраслевой баланс в разрезе двух первых квадрантов, инвестиционный дефицит оставался основным “регулятором” экономического роста. Политика индустриализации и постоянно сопровождавшая ее ситуация общего дефицита делали невозможным внедрение кейнсианской категории общего спросового потенциала в процессе оптимизации экономического роста. Казалось бы, экономика нуждалась в регуляторах,

---

¹ Термин “контур”, введенный Х. Мински, выбран не случайно. Он отражает “неравнодушие” оборота к своему субъекту. Большой банк или Большое правительство питают контур=оборот энергией своего свободного экономического и политического выбора. Вообще, эволюция рынка, если ее рассматривать с точки зрения подготовки экономической синергетики, обнаруживает постоянное увеличение роли субъекта и субъектности. Эта роль имеет разное, хотя и сопряженное содержание, для субъектов разного уровня, включая бизнес, олигархические структуры, государство, их поведенческие традиции на разных рынках.

связанных с более узким инвестиционным потенциалом², но его внедрение блокировалось ограничениями в области капитализации экономики и участия предприятий в глобализации. Блокада денежного капитала и денежной формы стоимости (на основе контуров) привела к самоустранению социализма от участия в становлении современной глобальной экономики. Оно происходило без участия СССР, а теперь и России, испытывающей тем не менее постоянное притяжение мировой глобальной системы, которой нужен стабильный экспорт сырьевых и топливно-энергетических отраслей.

Глобализация как движение от денежного капитала и денежной формы стоимости. Скачок от денежного капитала к глобальному денежному капиталу был громадным, хотя речь шла всего лишь об открытости национальных рынков. Однако это привело к следующим изменениям. Общий спросовый потенциал и свойственные ему регуляторы параметрического равновесия (предельная эффективность капитала, процентная ставка, предельная склонность к потреблению) сменился спросовым инвестиционным потенциалом. Его регуляторами стали валютный курс, процентная ставка, таргетирование цен. Соответственно изменилась система обеспечения денег. В рамках денежной формы стоимости она была сведена к единству денежной системы и оборота национального дохода, в глобальной же экономике денежное обеспечение основывается на единстве денежной системы и оборота активов.

Если товарная масса больше не обеспечивает количество денег, то эта функция передается активам и, соответственно, инвестиционным оборотам. *Открытая экономика – долговая экономика, и это ее качество усиливается.* В результате разрушается прежнее соотношение финансового рынка и банка: если раньше лидером был банк, то в глобальной экономике лидером становится финансовый рынок. Поэтому долговая экономика может быть устойчивой только в режиме форсируемого экономического роста. Экспансия рынка – органическое свойство глобализации. К сожалению, оно связано с невероятным усилением финансово-денежных спекуляций (с использованием любых денежных инструментов и на основе развития института секьюритизации).

Это внесло существенные коррективы в тип экономического роста. В денежной экономике базовой воспроизводственной моделью был слабоинфляционный тип. Радиус отклонений от максимального значения пропорции “инвестиции–сбережения” (I/S) к их равенству стремился к устойчивости. Тем самым динамика денежной массы обеспечивалась динамикой национального дохода, а внутри денежной системы – устойчивым приоритетом денежной базы. Что же касается глобальной экономики, то здесь геометрия экономического роста определяется конъюнктурой финансовых рынков (финансовых пузырей). Сведение денег к активам (по крайней мере, в тенденции) приводит к неустойчивости радиуса отклонения максимальных значений отношения I/S от равновесных. Более того, колебания имеют границу не между максимальной величиной I/S и равновесной, но между максимальной и минимальной.

Раскачивание значений I/S сформировало инфляционно-дефляционный тип экономического роста. Однако тенденция состояла в увеличении экстремального значения радиуса колебаний. Это повело к распаду инфляционно-дефляционного экономического роста на два сопряженных подвида – дефляционный тип (пример – США) и инфляционный тип (пример – Россия). Это – ситуация сегодняшнего дня. Именно из нее вырастает угроза финансового “шторма”.

Научная мысль работает над проблемой “шторма” в русле попыток укрепить мировую резервную валюту, например, заменой в той или иной форме доллара США китайским юанем. Высказывается идея укрепления новых мировых денег огромной товарной массой Китая и огромными природными ресурсами России. Такие рассуждения относительно укрепления товарной базы мировой резервной валюты совершенно не выдерживают критики с методологической точки зрения. Системные преобразова-

---

² То есть нужен был “прыжок” в систему хозяйственных механизмов глубинной современной глобализации. Но такой “прыжок” был невозможен в силу слабых внешних связей советской экономики, а также сырьевой и топливно-энергетической направленности этих связей, тогда как рынок денежного капитала был ориентирован на отрасли инвестиционного и потребительского комплексов.

ния следует рассматривать как проблему рынка в целом (как целостности). Вопрос о товарной базе денег относится к всеобщей форме стоимости и равновесию первого и второго подразделений общественного расширенного воспроизводства. В пространстве денежной формы стоимости устойчивость денежной системы покоится на равновесии инвестиций и сбережений и связана с распределением национального дохода на потребление и накопление³. Что же касается глобальной экономики (глобального денежного капитала и валютно-денежной формы стоимости), то здесь денежная политика целиком обусловлена политикой финансовой, то есть определяется конъюнктурой финансово-денежных рынков (подчиняется пульсации финансовых пузырей).

Таким образом, формула “деньги–товар” отодвинута в глубь истории. Денежный капитал формирует рынок, которому скорее подходит формула “деньги–доход”. Современный же глобальный рынок по своей структуре есть валютно-денежная форма стоимости. Его деньги могут быть описаны формулой “деньги–капитал”, если иметь в виду, что капитал здесь функционирует в форме комплекса активов. Все три формулы исчерпали себя. Сложность состоит в том, что каждая из них имеет свое оправдание в реальности и должна быть сохранена на новом, синергетическом уровне экономики, становление которой можно отсчитывать, начиная с кризиса 2007–2008 гг.

Рынок, тем более глобальный, есть сложная открытая система. Назревшую бифуркацию, которая охватывает качественным скачком (фазовым переходом, в терминологии синергетики) *систему в целом – в единстве функционального базисного капитала, каковым является глобальный денежный капитал, и адекватной ему совокупности оборотов (форму стоимости, или рыночную периферию данного базиса) – нельзя заменить множеством отдельных рационализаций*. Бифуркационная зрелость базиса сопровождается структурной перестройкой субъектов рынка, которые оказывают социальную поддержку⁴ возможным вариантам бифуркации. Сила поддержки обуславливает социальный выбор. Если ситуация перезрела, выбор становится однозначно политическим. Похоже, что до однозначности выбора ситуация пока не дошла (речь идет о мировой глобальной системе). Это вселяет надежду, что настоящего “шторма” не будет, что дело ограничится чреватой возможностью “шторма” погодой. Однако чтобы так случилось, надо поторопиться с переходом к экономической синергетике.

Последствия трансформации сетевого рынка в экономику финансового капитала. Выше мы говорили о том, что необходима трансформация сетевой системы рынков в иерархию рынков. Что это дает? Это дает восстановление синкретичности в том смысле, что капитал, активы, деньги, доход и т.п., то есть каждый компонент рыночной макроэкономики должен получить свой относительно обособленный оборот и кругооборот. Эту задачу, в первую очередь, решают рынки в рыночной иерархии. В связи с этим возникает три вопроса. 1) Как в рыночной иерархии связаны между собой кругооборот капитала и оборот дохода? 2) Как связаны между собой неопределенность и рациональность? 3) Как обеспечивается выбор типа экономического роста с точки зрения системы отраслевых комплексов *абв*⁵?

Кругооборот, в отличие от оборота, совершает замкнутый цикл производства. Вспомним формулу $D - T - D'$. Это формула кругооборота основного капитала, где каждый из компонентов представляет определенную фазу. Причем главной является средняя фаза, фаза производства товара, предназначенного для реализации. Маркс показывает, что фазой производства обуславливается необходимость как распределения денег в определенной пропорции на приобретение средств производства и рабочей силы, так и вполне определенной эффективности производства, достаточной для инвестирования в средства производства и рабочую силу на новом витке кругооборота.

³ Мы используем здесь терминологию Хикса.

⁴ Оказывать социальную поддержку – значит быть активным как субъект, то есть быть в потенции больше своей непосредственной функции.

⁵ Имеются в виду топливно-энергетический + сырьевой (*а*), инвестиционный (*б*) и потребительский (*в*) комплексы. Переход к прописной букве будет указывать на непропорционально высокий удельный вес одного из комплексов относительно других.

Если мы уберем в свернутой формуле среднюю фазу T , то получим формулу оборота национального дохода ($D-D'$). Для оборота дохода существенным моментом является интегрирование (суммирование) всех кругооборотов на уровне фазы денег от реализации D' , то есть натурально-вещественный состав продукта активов выводится за скобки. Их представляет оборот денег. Соответственно, формула оборота, если его рассматривать в качестве квазикругооборота основного капитала, может быть дополнена кредитными инвестиционными ресурсами, то есть она утрачивает определенность. Российское государство упорно стремится построить оборот госбюджета на принципах возвратности, или квазикругооборота. Однако это невозможно на уровне товарно-денежных и финансово-денежных потоков (оборотов). Здесь возвращение качественных стартовых условий не воспроизводится автоматически, то есть как необходимость. Неопределенность, свойственная обороту национального дохода, невольно дополняется российским государством мерами “ручного управления”. Однако плата за такое добавление непомерно высока. Бизнес теряет свободу выбора, которая неизбежно сопряжена с неопределенностью.

В той мере, в какой сетевая система рынков опирается на оборот национального дохода, она не может регулировать выбор типа экономического роста как межотраслевую структуру abv . Бюджетная экономика, характерная для сегодняшней России, по причине невозможности регулирования отраслевой структуры abv находится в заложниках сложившейся структуры Abv , или капиталоемкого и инфляционного развития. “Сколково” тут не поможет, так как неизбежно, исходя из инерции структуры Abv , возникновение избыточного инвестиционного спросового потенциала, который рождает сильную инфляцию и формирование, в конце концов, псевдоэкстенсивного экономического роста. Как только капиталоемкость пересекает значение “3”, вклад фактора труда в рост национального дохода начинает возрастать, но одновременно падает эффективность инвестиций, экономика накапливает инвестиционный дефицит.

Из сказанного следует, что проблема эффективного экономического роста сводится к становлению на макроуровне кругооборота в качестве структурного принципа организации рыночной макроэкономики. Если для основного капитала (и кругооборота рыночной микроэкономики) достаточно его стартовой денежной формы, которая обеспечивает бизнесу свободу маневра, то для капитала как стартовой категории макрокругооборота капитала в рамках рыночной иерархии нужна стартовая финансово-денежная форма. Эта форма вводит достаточно неопределенную кредитную составляющую в объектно-субъектные отношения, что равнозначно введению свободного экономического выбора на уровне макроэкономики. Такая свобода предполагает возможность многообразия коллективных и единичных рыночных субъектов, что само по себе усиливает роль субъекта по отношению к объекту в процессе коммуникативной практики. В итоге финансово-денежная форма капитала приобретает значение стратегического инвестиционного потенциала экономики, обладающего природой кванта.

Как говорилось выше, насыщенность кванта социальной энергией по мере конкретизации (реализации) не уменьшается, а увеличивается. Для этого необходима такая организация рынка, при которой рынок как финансовая форма стоимости есть развернутый квант. Для его полной реализации нужна цикличность большого Кондратьевского цикла (БКЦ), которая адекватна эволюционной природе цикла. Причем имеется в виду эволюция эндогенного типа, предполагающая активную систему субъектов, способную организовать свободный выбор вариантов развития на основе массовой общественной поддержки процесса формирования вариантов и самого их выбора.

В такой экономике два ее свойства имеют простое технологическое значение. Речь идет о принципиально новой роли индивидуального сознания, которое, в отличие от рационального линейного мира, становится базисом публичного формирования экономической стратегии. С этим свойством экономической синергетики связано и второе: необходимость функционирования массовых рыночных отношений как коммуникативного пространства индивидуальной активности населения. Если суммировать эффект этих свойств, то придем к выводу о необходимости интерпретировать

экономическую синергетику как сложный макроэкономический вариант либерализма. Такова социальная сторона экономического кванта. При этих условиях возможна и необходима прогрессирующая эволюция, когда экономический квант способен не только развернуться в систему действительных отношений, но и свернуться по завершении БКЦ в социальную точку, создавая тем самым стартовое состояние финансового капитала в будущем новом БКЦ.

Иерархия рынков дает возможность экономике осуществлять макроэкономический кругооборот финансового капитала как последовательность функциональных капиталов (финансового, денежного, производительного, социального). Здесь интересно то, что последовательность функциональных капиталов и рынков завершается социальным капиталом и потребительским рынком. При этом регулятивные функции капитала сокращаются, и над экономикой нависает опасность серьезной рецессии и даже хаоса. Это обстоятельство включает механизм сворачивания развернутой системы рыночных оборотов в экономический квант. Важнейшим компонентом механизма сворачивания становится смена акцентов внутри спросового потенциала: от потребительского, базой которого является доход населения, к общему спросовому потенциалу (по Кейнсу), от него – к инвестиционному и затем к спросовому потенциалу стратегического рынка в рамках формируемого на нем инвестиционного стратегического кванта.

Предпосылка третьего: завершение очередного большого Кондратьевского цикла

Громадная заслуга Н. Кондратьева состоит в том, что он первым открыл эволюционный цикл, после чего экономисты перестали заикливаться (извините за каламбур) только на деловых циклах текущего рынка. Он эмпирически выявил большие циклы конъюнктуры (начиная с 1789 г. и до Великой депрессии прошлого века) как результат взаимодействия всех компонентов экономики, политики и общества. Очередные большие Кондратьевские циклы произошли уже в наше время: в период перехода от денежной к валютно-денежной форме стоимости (1970-е гг.); в период перехода от валютно-денежной к финансовой форме стоимости (с мирового “финансового” кризиса, начавшегося в 2007 г., до 2055 г., когда экономика должна будет раскрыться как синергетическая система).

Развивая идеи Кондратьева, мы пришли к выводу, что метаморфозы функциональных капиталов (финансового, денежного, производительного, социального) в экономической синергетике осуществляются по фазам БКЦ. Как уже говорилось ранее, функциональные капиталы играют роль социально-экономических базисов рынков в рыночной иерархии. Поскольку иерархия рынков вписана в БКЦ, рынки иерархии тоже являются фазовыми. Таким образом, внутри БКЦ действует механизм конкретизации и нарастания энергетического потенциала экономического роста. Воспроизводственная модель экономического роста, встроенная в БКЦ, вырастает *не из некой клеточки, а в ходе накопления исторических предпосылок эндогенной эволюции*. Не случайно В. Бауэр назвал свои размышления над нашей упомянутой выше монографией 2010 г. “Экономика большого Кондратьевского цикла” [Бауэр, 2011].

Размеры статьи не позволяют дать развернутую характеристику экономики БКЦ. Поэтому ограничимся здесь только ее самыми общими контурами. Все фазы БКЦ вырастают из одной точки начала цикла. Длительность фаз определяется бифуркациями с удвоением: ≈ 7 лет (2π), ≈ 14 , ≈ 28 , ≈ 48 (период всего цикла ≈ 50 лет). При этом возникает интереснейший феномен “двойной экономической спирали” (по аналогии с ДНК): наложение оборота национального дохода на кругооборот финансового капитала. Здесь важно не упустить из виду главную канву размышлений: речь идет не о линейной динамике (факторный, технологичный подход к росту), а о *становлении* (самоорганизации, социальном подходе к росту), о смене качественных фаз эволюции, погруженных в БКЦ. А также о возможном формировании в ходе эволюции мегаБКЦ, охватывающего четыре цикла общей протяженностью в 200 лет. Этот мегацикл объединяет историческую последовательность форм стоимости – всеобщей, денежной,

глобальной денежной, финансовой. Каждая из них составляет органическое единство со своим рыночным базисом – соответствующим функциональным капиталом. Каждой из них отвечает свой БКЦ. Сейчас мы находимся в начале становления четвертого, синергетического БКЦ в 200-летнем мегацикле.

Почему мы говорим о мировом кризисе 2007–2010 гг. как о “так называемом” финансовом кризисе? Да потому что на деле нынешний мировой кризис – не финансовый кризис, а кризис *денежного* капитала (ведь еще господствует валютно-денежная форма стоимости). Поэтому точнее было бы говорить о кризисе неоллиберализма в глобальном масштабе. Движение к *финансовому* капиталу (господству финансовой формы стоимости) как базису стратегического рынка и феномену глобальной синергетической экономики еще только разворачивается.

В преодолении кризиса конкурируют между собой два взаимосвязанных потока развития, или, как уже отмечалось выше, *два сопряженных глобальных типа экономического роста – инфляционный и дефляционный*. Инфляционный тип основан на бюджетном инвестиционном потенциале, а дефляционный – на кредитном потенциале. Мы утверждаем, что выход из кризиса состоит в единстве инфляционного и дефляционного типов экономического роста на более высоком качественном уровне, который может обеспечить только экономическая синергетика.

Итак, выход из глобального кризиса – в эволюционном становлении экономической синергетики. В экономической синергетике *эффективность, благосостояние, социальная (не только политическая) стабильность* – тождественные понятия. Отсюда сейчас на передний план выходят восстановление деревни, сельское хозяйство, природопользование, единство города и деревни, общества и экологии. Исходной точкой модернизации должна стать стратегия единства природы, социума, общества (государства) и человека. Но это уже отдельный конкретный разговор.

Экономическая синергетика имеет дело с переходом от простого учета обратимого классического времени (или сферы каузальных линейных связей) к *необратимому эволюционному времени* (и нелинейным взаимодействиям), когда в экономике происходят качественные изменения. В первом случае речь идет о земле, капитале, труде как факторах производства. Во втором – об иерархии рынков, фазах БКЦ, квантах. Отметим, что линейные связи не исчезают в нелинейной экономике, но занимают подчиненное ей положение. Общая (каркасная) воспроизводственная модель расширенного воспроизводства в экономической синергетике строится на базе фазовой структуры БКЦ. Ее темпоритм подчиняется закону бифуркации (финансового капитала) с удвоением. Таким образом, рыночная система создает механизмы (на принципах рыночной самоорганизации) оптимизации экономического роста на основе последовательной актуализации его типов – последовательно интенсивного, интенсивно-экстенсивного, экстенсивно-интенсивного, последовательно экстенсивного.

В данной статье мы попытались, с одной стороны, раскрыть позитивные перспективы развития общества, которые связываем с экономической синергетикой, а с другой – показать, как это сложно даже для простого понимания, тем более для осуществления. Главное же состоит в том, что мы переживаем сейчас не “конец истории”, а скорее, только начало вдохновенной жизни человека и цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауэр В.П. Экономика большого Кондратьевского цикла // Вопросы экономики. 2011. № 2.
Горджсян А., Ерзнкян Б. Трансформируя синергетическую экономику в экономическую синергетику // Hayastan: Economy & Finance (Ереван). 2010. № 7–8.
Ерзнкян Б.А. От синергетической экономики к экономической синергетике // Экономическая наука современной России. 2010. № 2.
Занг В.-Г. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М., 1999.
Сухарев О.С., Шманёв С.М., Курьянов А.М. Синергетика инвестиций. М., 2008.